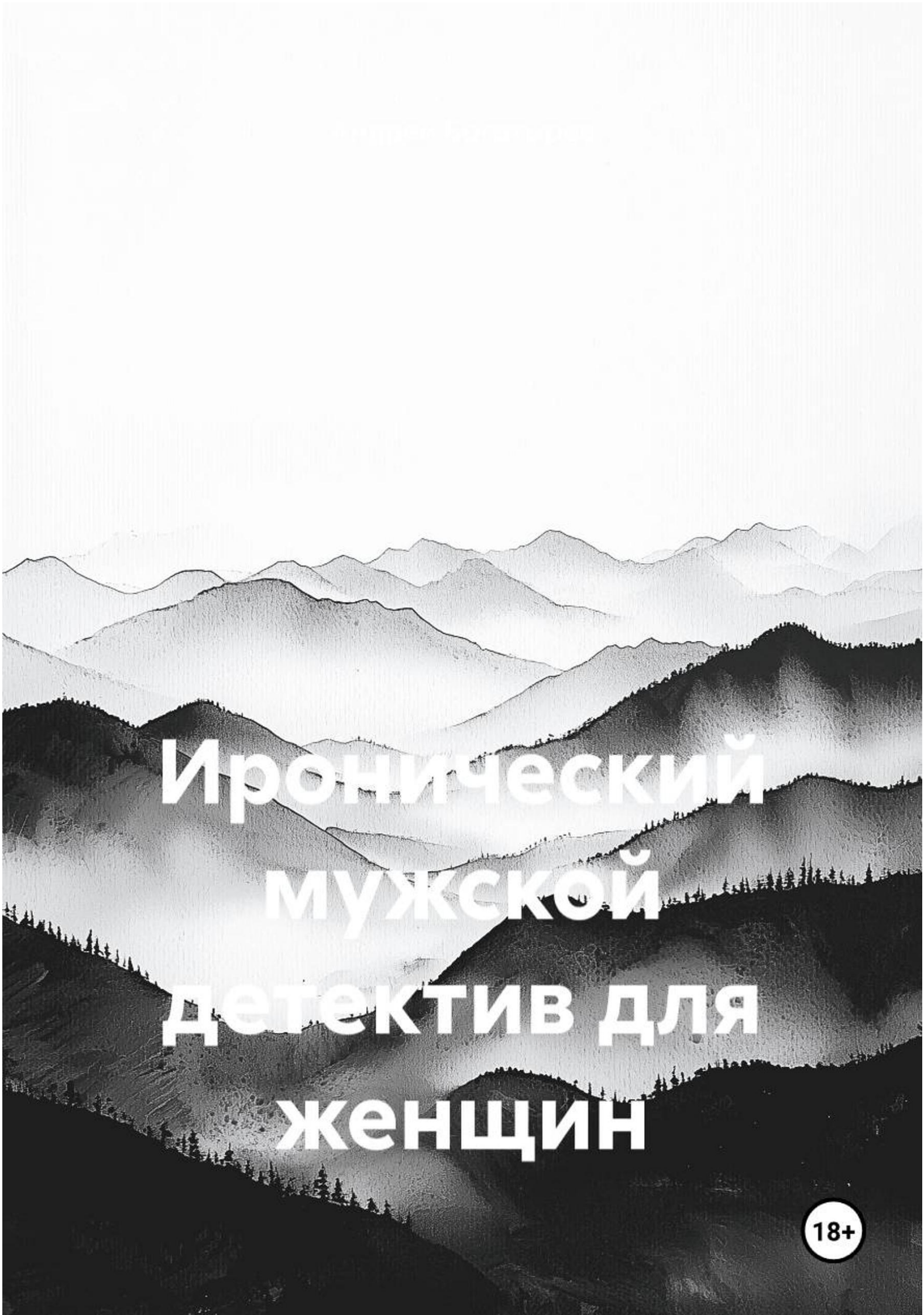

Ироничный мужской детектив для женщин
18+

Андрей Богатырев

Иронический мужской детектив для женщин

«Автор»
2026

Богатырев А.

Иронический мужской детектив для женщин / А. Богатырев — «Автор», 2026

Книга содержит восемь небольших повестей и рассказов, связанных между собой персонажами и местами действия. Является смесью вымысла реальных событий.

© Богатырев А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ИРОНИЧЕСКИЙ МУЖСКОЙ ДЕТЕКТИВ ДЛЯ ЖЕНЩИН 5
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Андрей Богатырев
Иронический мужской детектив для женщин

ИРОНИЧЕСКИЙ МУЖСКОЙ ДЕТЕКТИВ ДЛЯ ЖЕНЩИН

«Лучше алмаз с любым изъяном, чем галька без единого».
Конфуций

«Какой интересный Камушек!»
Бабушка Катя

1.Пролог

«Ранним летним утром меня разбудила собака. Настало время прогулки. Ничего не поделаешь: собака приучает к ответственности — она меня будит и выгуливает. На улице было тихо: дорогу за забором посёлка ещё не было слышно, дворники пока не приступили к работе. Часы на тумбочке возле кровати показывали 5:30. А ведь ещё месяц назад я каждое утро просыпался от радостного петушиного крика. Меня это совсем не напрягало, но, помимо петуха, у нас в Посёлке были и другие проблемы.

Создал нам их Тимофеев, который, помимо петуха, владел домом номер 7 в нашем посёлке и который решил заняться фермерством и завёл на своём участке кур и козу. Сначала всё было мило: петушок кукарекал каждое утро, козочка блеяла. Потом появились крысы. Сначала одна жительница увидела живую крысу, потом кто-то увидел вторую. В поселковом чате поднялась буря: предлагали вызвать соответствующие службы для борьбы с грызунами. Я, наоборот, предложил всячески поддерживать несчастных кошек, которые в изобилии живут в Посёлке, чтобы они сами разбирались с крысами.

Мои соседи Жуковы, Саша и Наташа, бездомных кошек подкармливают и подкармливали всегда: к ним по утрам приходят кормиться не меньше десятка мурлык. Правда, они дикие, гладить и брать себя на руки не дают. Но вот только вдруг один за другим стали пропадать коты. Кошки, как ни бывало, приходили на завтрак, а котов стало заметно меньше. Потом у нашей соседки заболел и умер домашний кот. Я вместе с ней возил его в клинику: там ему ставили капельницы, но спасти не смогли. Наталья Валентиновна, пенсионер, заслуженный врач из Иркутска, говорила, что кот умирал очень тяжело, в судорогах — как от какого-то нервно-паралитического яда. У других моих соседей через дорогу кот тоже пострадал: похоже, попал в капкан, вернулся оскальпированный, со сломанными зубами. Но его спасли. В довершение всего пропал кот из дома 6, любимец всего Посёлка. Кот по имени Красавчик узнавал и приветствовал всех соседей и сопровождал на прогулках по посёлку, а также дружил с моей собакой. И вдруг тоже пропал.

Сергей, хозяин Красавчика, очень переживал, искал его три дня, развесил повсюду объявления, но всё безрезультатно. Позже дворники нашли кота мёртвым в мусорном контейнере и сказали об этом Жукову. Было ясно, что внезапные пропажи и гибель котов не случайны. Подозрения пали на фермера Тимофеева. Саша пытался его вразумить, но тот отрезал, что имеет полное право держать у себя на участке кур и козу, а за то, что он борется с крысами,

все должны быть ему благодарны. Про котов ему ничего не известно: хозяева котов сами должны за ними следить и из дома не выпускать. Всё это Жуков рассказал Сергею.

А ещё Тимофеев, помимо фермерства, увлекался яхтингом. Он уже имел одну яхту, но потом купил себе вторую, которую швартовал где-то в яхт-клубе на Клязминском водохранилище, а ненужную первую перевёз в наш посёлок и оставил на проезжей части возле своего участка в надежде скоро продать. Но не тут-то было. Пришвартованная яхта мешала проезду мусоровоза и других машин жителей. Тимофеев обещал её убрать, но она так и оставалась на дороге. И стояла почти год.

И вот примерно месяц назад Саша Жуков позвонил мне и предложил прогуляться по Посёлку. Маршрут он выбрал таким образом, чтобы мы в какой-то момент оказались возле седьмого дома. А там уже стоял фургон с синими номерами, и двое серьёзных мужчин ходили вокруг яхты и осматривали её снаружи. Вышел Тимофеев и о чём-то стал разговаривать с людьми из фургона. Ему показали какую-то бумагу, после чего он махнул рукой, а серьёзные люди приступили к осмотру яхты. Появилась приставная лестница, яхту частично освободили от защитного чехла, и один из мужчин смог проникнуть внутрь. Вскоре он появился снова, держа в руках небольшой пакет с белым порошком. Мужчины пристально посмотрели на хозяина яхты, тот в ответ в недоумении развёл руками. Немая сцена.

Нас, как свидетелей, попросили подписать какой-то протокол, и машина уехала, наверное, повезла порошок на экспертизу.

Вскоре петушок перестал будить всех по утрам, и козочка тоже куда-то пропала. А вслед за ними пропали и крысы. А яхта переехала в неизвестном нам направлении.

Пару дней назад от Жукова я узнал интересную подробность. Оказалось, что сосед из шестого дома, Сергей, был полковником ФСКН (то есть из службы по контролю за оборотом наркотиков). Для меня это было новостью: в нашем посёлке все живут замкнуто и не афишируют свой род деятельности.

— А я недавно узнал, что порошок тот из яхты оказался стиральным и очень качественным, — хитро улыбнулся Жуков.»

— Ну, как тебе? — спросил я Таню, которая закончила читать мой рассказ.

— А что это было? — спросила она в ответ.

— Это первый рассказ из моего сборника детективов, который я решил написать.

— Ты считаешь, что это детективный рассказ?

— Ну конечно! Есть убийства котов и одно покушение на убийство. Определён виновник — Тимофеев. Порок наказан.

— С чего ты взял?

— Но ведь куры, коза и яхта исчезли!

— А при чём здесь стиральный порошок?

— Его подложили под видом наркотика. Ты что, не поняла? Это была скрытая угроза!

— Так и надо было писать. А то как-то непонятно.

— Ну и что теперь скажешь?

— Ты не Агата Кристи, не Сименон и не Конан Дойл. Но если хочешь, пиши! Впрочем, как будет называться твой сборник?

— Название я придумал: он будет называться «ИРОНИЧЕСКИЙ МУЖСКОЙ ДЕТЕКТИВ ДЛЯ ЖЕНЩИН».

— А почему иронический?

— Ты не ощутила иронию? — с разочарованием спросил я.

— А почему мужской?

— А я что, уже не мужчина?

— А почему для женщин?

— Ну, в моих рассказах не будет стрельбы и драк. И ещё: мужчины более рациональны и критически настроены, они будут придираться к любому несоответствию в моём повествовании. А женщины романтичны и готовы принять мужскую ложь, если она красива. В частности, мою мужскую ложь как автора.

— Ты считаешь, что то, что я только что прочитал, — красивая мужская ложь?

— Красивая ложь будет, обещаю!

Таня внимательно поглядела на меня, а потом сказала:

— Давай, пиши, Достоевский!

2

Наконец случилось событие, которое мы ждали уже полгода. Это был переезд моих родителей из квартиры в нашем старом доме на улице Ярцевской, 24, который шёл под снос по программе реновации, в новый дом по адресу: улица Ярцевская, 16, рядом с моей старой школой, на триста метров дальше от метро, чем первое место жительства. Новый дом к этому времени был уже построен и выглядел вполне приличным. Он был расположен внутри квартала, так что там было относительно тихо. На месте нашего старого дома будет построен небоскрёб.

Мама обрадовалась: она устала жить в разваливающейся квартире, а папа, наоборот, разволновался. Проблемы с переездом совершенно вывели его из равновесия. Он сразу стал просить, чтобы его отправили в эвакуацию к тёте Жене, его сестре, в Екатеринбург, где он будет пережидать эти сложные времена. Мне его переживания понятны. Когда мы с Таней собираемся в какую-нибудь поездку, я сразу впадаю в ступор, а все вещи собирает Таня.

Естественно, папу мы с моей Таней сразу забрали к себе в Посёлок, так что ни к какой тёте Жене он, конечно, не поехал. И с энтузиазмом занялись переездом. Если кто-то когда-то куда-то переезжал, он представляет весь этот ужас. Я несколько раз в молодости перевозил своих друзей, в том числе моего друга-геолога Толю Пескова, когда он с семьёй улучшал свои жилищные условия.

Мы не только перевозили старую мебель, но попутно перевозили запасы пустых стеклянных банок для консервирования, а также запасы старых обоев, которые остались после предыдущего ремонта в оставляемой квартире. И ещё детские игрушки, в которые подросшие дети уже не играют. Мне кажется, что это не жадность, а боязнь потерять связь с прошлым, боязнь навсегда оставить в этом прошлом то дорогое, за чем уже больше никогда не сможешь вернуться.

Но мы решили, что в нашем случае ничего такого не будет. В новую квартиру мы купили какую-то недорогую, но удобную и функциональную новую мебель, заказали у изготовителя кухню с техникой и прихватили с собой старые книжные полки, чтобы было куда размещать все ранее собранные родителями книги.

Я часто задаю себе вопрос: что сейчас для меня значат книги? Получается, что это часть моего прошлого, с которым я не могу расстаться. Книги, зачитанные до полустёртых страниц, собрания сочинений, в которых не хватает одного тома, потому что его дали кому-то почитать, а потом этот том не вернули. Старые книги, которые пахнут детством.

Во времена молодости моих родителей все книги были в большом дефиците. Книги в доме считались достоянием, отражали социальный уровень своих хозяев, и потому за подпиской сочинений Чехова нужно было записываться за полгода и ходить регулярно отмечаться в очереди. А ещё книги были украшением квартиры, и я лично видел у некоторых знакомых моих родителей полные собрания сочинений Ленина — тома в красных переплётах, которые даже никогда не открывались. Но на полках смотрелись они красиво.

Сейчас для нового поколения книга на бумаге — это анахронизм. Книги перестали быть близкими друзьями, членами семьи, к которым можно обратиться за советом, у которых можно

найти понимание и сочувствие, и уж точно перестали быть носителями информации и идей. Наша молодёжь сейчас всё находит на экране смартфона или ноутбука. Библиотеки больше не нужны: всё оцифровано. А ещё есть искусственный интеллект, ИИ, который стал и хранилищем знаний, и учителем, и советчиком. Хорошо это, плохо ли — время покажет. Время — главный судья.

В общем, все книги из старой квартиры мы решили перевезти в новую. И мы принялись разбирать завалы книг: некоторые уже не помещались на полках и лежали даже в диване, куда обычно было принято складывать постельное бельё.

— Папа, что это? — спросила Катя, моя дочь. В руках она держала картонную коробку, в которой лежали кляссеры с почтовыми марками.

Марки я начал собирать в третьем классе, а потом продолжил это азартное дело уже в средней школе. Между прочим, за прошедшие с тех пор годы некоторые страны, выпустившие эти марки, уже перестали существовать: история сохранила только названия этих государств. А были у меня марки и таких стран, которые уже не существовали на момент их приобретения мною.

Но самое интересное: в этой коробке была ещё маленькая коробочка из моего детства, из Оренбурга, — мои детские драгоценности, в том числе серебряный рубль 1921 года, какой-то медный алтын с двуглавым орлом и затёртым годом выпуска, который я нашёл в огороде, когда рыхлил грядку с бабушкиными огурцами. И Камушек, который, как я думал, потерялся навсегда.

Эту маленькую коробочку привезла перед смертью бабушка Люба, мамина мама, когда она приехала в Москву в последний раз, чтобы лечь в московскую больницу на обследование с подозрением на онкологию и уже из неё никогда не выйти.

Я держал в руках Камушек, моё вновь обретённое сокровище, и мне разом вспомнилось моё последнее лето на Карьере.

3

Как странно устроена память. Что-то помнится из далёкого детства, а что-то из недавнего прошлого полностью забывается. Так, для примера, у одного из двух друзей какое-то событие запоминается на всю жизнь, а второй друг, присутствовавший при этом, не помнит ничего. Даже если ему про это рассказывают с подробностями, он всё равно не может это вспомнить и только кивает головой, притворяясь, что память проснулась. Память — это явление, которое не поддаётся моему пониманию.

Как-то в геологической экспедиции в Иркутской области наш маленький отряд из трёх человек сплавлялся по реке Чая. Нас было трое: мой начальник и друг Анатолий Песков, один заслуженный скульптор по имени Владимир и я. Скульптор устроился в экспедицию по протекции с целью лучше изучить дикую природу. Владимир зарабатывал на изготовлении памятников лосям, которые стоят на наших магистралях под Москвой, а где ещё лучше познакомишься с природой, как не в геологической экспедиции?

Мы уже закончили работу в верховьях реки и сплавлялись на лодках вниз по течению до впадения Чаи в Лену. Лодки были нагружены под завязку отобранными образцами, которые нам предстояло доставить в конечный пункт, чтобы потом передать их в институт для дальнейшего исследования.

На нашем пути встало препятствие в виде двухкилометрового каньона, по которому мы просто не решились плыть. Не потому, что мы испугались, а потому, что любое происшествие хотя бы с одной из лодок с образцами полностью обесценивало весь наш предыдущий труд. Решено было обнести препятствие. Мы разбили лагерь и начали разгружать лодки, паковать вещи и вообще готовиться к предстоящему волоку.

И здесь появился ангел. Я не сказал, что перед тем, как встать лагерем перед входом в каньон, мы встретили иркутских геологов, у которых неподалёку был стационарный лагерь с вездеходом и постоянной связью со своим главным отрядом.

Ангелом оказалась молодая красивая геологиня из этого отряда. Она принесла нам только что испечённый хлеб. Ей пришлось пройти по тропе вдоль реки около километра от их лагеря до нашего. Мы поблагодарили её, напоили чаем и передали с ней письма близким. Она обещала отправить их по адресам с ближайшим вертолётом. После этого она ушла.

— Толя, — сказал скульптор Володя, — а ведь она приходила к тебе.

Я прекрасно помню, как она выглядела и как её звали. А Песков всё забыл. А ведь он всегда был и остаётся большим ценителем женской красоты. Вот такая она — память.

И с моей памятью тоже происходят удивительные вещи, когда далёкое прошлое вдруг становится вчерашним днём. Я всё вспомнил!

Мне было двенадцать лет, когда я нашёл Камушек. В то воскресное утро я проснулся в половине пятого. Только начинало светать. Пора было идти на рыбалку. Это было самое подходящее время для утреннего клёва: позднее, как только вставало солнце, нормальная рыба переставала ловиться.

Я вылез из-под одеяла и начал тихо одеваться, стараясь не разбудить бабушек. У меня были две бабушки из Оренбурга со стороны мамы: бабушка Люба — мама моей мамы, бабушка Катя — её старшая сестра. Обе для меня были одинаково родные и любимые. Обе приезжали к нам в Москву из Оренбурга по очереди, жили у нас неделями, нянчили и воспитывали меня, пока родители были на работе. Для папы и мамы это было существенной помощью: в детстве я часто болел и не мог ходить в детский сад. Да, бабушки были разные, но как я их обоих горячо любил!

Под Оренбургом мы жили в домике в маленьком посёлке под названием Карьер, расположенном в излучине реки Сакмары, притока Урала. Уже не знаю, так ли он на самом деле назывался, но для меня он был и остался Карьером, моим любимым Карьером. Дом бабушки купили два года назад. Бывшие хозяева решили его продать — то ли нашли новую работу в Оренбурге, то ли собрались куда-то переезжать. В общем, дом обошёлся бабушкам и их племяннице тёте Любе в сто рублей. Добираться туда было непросто.

Под Оренбургом было село Берды (бабушка Люба называла Бёрды). Сейчас это один из микрорайонов Оренбурга, а раньше это было отдельное село. А ещё раньше Берды назывались Бердской слободой, и Бердская крепость, стоявшая на реке Сакмаре, старше основанного позже Оренбурга на семь лет. Здесь располагалась ставка Пугачёва во время осады им Оренбурга.

От центра Оренбурга до Берд ходил автобус. Рядом с конечной остановкой были развалины церкви. Бабушка Люба рассказывала, что церковь в тридцатых годах взорвали большевики. Но кладочный раствор, в состав которого входил в том числе яичный белок, оказался настолько крепким, что при взрыве храм развалился на отдельные фрагменты достаточно большого размера — что мне и довелось увидеть. Купола, конечно, разобрали, а обломки стен так и остались лежать. Видимо, разбить их кувалдами на более мелкие части у борцов с религией не получилось: не хватило терпения. Может быть, по этой причине в период, когда массово разрушали церкви, многие монастыри в России остались целыми? Ну, в том смысле, что остались нетронутыми крепостные стены: ломать их было очень трудоёмко.

От остановки автобуса путь лежал до берега Сакмары, откуда надо было переправляться на другой берег реки на лодке, которой управлял какой-то старик-инвалид. Лодка была вместительная, человек на десять. Перевозчик собирал желающих и перевозил с одного берега Сакмары на другой, как мне казалось, бесплатно. Один раз он мне даже разрешил сесть на вёсла: течение в этом месте было слабое. Но стоять в очереди на переправу иногда приходилось по часу: нужно было ждать, когда лодка вернётся за следующей партией пассажиров.

Другим вариантом можно было доехать другим автобусом до 18-го разъезда (это остановка на железной дороге под Оренбургом; сейчас называется Ленинский Луч, может, она и раньше так называлась, но мне она запомнилась как 18-й разъезд), а потом пройти примерно полтора километра пешком до Карьера по путям узкоколейки. По ней вывозили гравий, который намывал земснаряд. Сакмара и её притоки текут от Уральских гор, и все камни и песок, что они приносят, оседают ближе к месту её слияния с Уралом.

Земснаряд засасывал гравий с речного дна и подавал его вместе с речной водой на подготовленную площадку, откуда его вывозили на железнодорожных платформах по назначению.

Все дни того лета я проводил на Карьере, а в Оренбург приезжал с одной из бабушек только чтобы пополнить запас продуктов на неделю и помочь эти продукты привезти в посёлок. В основном это был хлеб, сахар, чай и ещё какие-то мелочи. В посёлок раз в неделю приезжала продуктовая лавка, но бабушки предпочитали обеспечивать себя сами. Были овощи с огорода, молоко и яйца покупали у соседей. И ещё была рыба — мой улов, который я приносил каждое утро.

В наследство вместе с домом нам досталась старая деревянная хозяйская лодка — тяжёлая, но прочная и хорошо просмолённая.

Я взял вёсла, прикормку, удочку и червей, которые накопал с вечера, и спустился к реке, собираясь заняться своим обычным делом, то есть рыбной ловлей. Однако лодки на месте не было.

Это меня не очень встревожило. Уже не первый раз компании ребят из города пользовались моей лодкой, чтобы покататься с девчонками. Конечно, без вёсел далеко не уплывёшь, но главным препятствием было не это. Ниже по течению располагался железнодорожный мост, который охранялся вооружённой охраной, и нам, мальчишкам, говорили, что у них есть приказ стрелять по всему, что проплывает под мостом. Сейчас я не уверен, что это действительно так, но тогда всё звучало убедительно.

Земснаряд, а заодно и посёлок, располагался в месте, где Сакмара делала поворот на 180 градусов, в излучине. В этом месте и располагалась площадка, где собирался весь добытый гравий, который вместе с водой перекачивался туда по трубе. Гравий оставался, а вода стекала в водоём, который мы называли Залив, и потом через его узкое горлышко возвращалась обратно в реку. Залив был неким прибежищем: туда отдыхающие доплывали и дальше отдыхали. Затем лодку бросали, а сами они отправлялись в Оренбург одним из двух способов, о которых я рассказал раньше. Но чтобы заплыть в Залив и найти мою лодку без лазания по кустам, нужно было второе судно, за которым я и пошёл.

Это было воскресное утро, а значит, что к нам с вечера субботы приехал мой дядя Витя, сын бабушки Кати. Он работал машинистом манёврового тепловоза на станции Оренбург, а на выходной приезжал к нам порыбачить. Дядю Витю я обожал с младенчества. Бабушки рассказывали, что, когда он после смены приходил к нам домой, то всегда доставал из кармана спецовки кусок колотого сахара, измазанного в машинном масле, — и это был для меня самый дорогой подарок. Дядя Витя тоже относился ко мне по-доброму, только более сдержанно. В вопросе поиска лодки я мог рассчитывать только на дядю Витю. А он в это время был на рыбалке.

Рыбалка на Сакмаре — вообще что-то, чего я в дальнейшей своей жизни нигде не видел. Хотя, конечно, я потом рыбачил и на Нижней Волге, и на притоках Оби, и на Витиме, и на Лене, и на притоках Нижней Тунгуски, и на самой Нижней Тунгуске, и на карельских и финских озёрах. Но здесь, на Сакмаре, был особенный способ рыбной ловли.

Представьте себе неглубокую и достаточно быструю реку глубиной не больше трёх метров, богатую рыбой. Способ ловли назывался рыбалкой на кольях. В дно реки забивались две сваи — как правило, это были водопроводные трубы, — а между ними крепился плетень из ивовых прутьев так, чтобы он уходил в воду метра на полтора. Тем самым течение в этом месте

за плетнём замедлялось. Таких кольев рыбаками нашего Карьера было забито в дно порядка пяти или шести. Каждые колья имели своих хозяев. Но места хватало всем.

Перед рыбалкой нужно было заплыть выше своих кольев, затем сплыть до них по течению и там закрепиться, то есть к этим кольям каким-то образом привязаться. Потом требовалось прикормить рыбу. Для этого мы, рыбаки, использовали сетку-авоську с грузом, которую набивали перловкой или какой-нибудь другой приманкой, например опарышем, смешанным с песком. Откуда брали опарыша, я рассказывать не буду. В дальнейшем прикорм опускали в воду до дна. И уже после этого забрасывалась поплавочная снасть, которая затем отпускалась вниз по замедленному из-за кольев течению и снова подтягивалась к кольям. И так раз за разом, до того момента, пока кто-нибудь не клюнет. А клевало хорошо!

В общем, лодки с утра у меня не оказалось, и потому рыбалка обломилась, а дядя Витя всё ещё сидел на своих кольях. Оставалось ждать, когда он закончит ловлю. Рыбалка у нас обычно длилась не очень долго — до восхода солнца. Затем начинало припекать, и рыба переставала ловиться. Я дождался, когда дядя причалит, и поделился с ним своей проблемой. Он, конечно, поворчал, но мне не отказал, и мы поплыли на его лодке до протоки в Залив. Как и ожидалось, моя лодка была там. Я вставил свои вёсла, которые заранее загрузил в лодку дяди Вити, в уключины и начал выгребать против течения к причалу.

Течение было быстрым, но я старался плыть вдоль берега, не выходя на стремнину. В конце концов я доплыл до места, где обычно оставлял лодку, взял вёсла и пошёл домой. Лодка дяди Вити уже была на месте. У него лодка новая, сваренная из железа, а моя — старая, деревянная и очень тяжёлая.

Дома мне налили кружку молока с утренней дойки и дали два больших ароматных куска оренбургского каравая. Один я натёр чесноком с солью, а к другому приготовил отколотый кусок варёного сахара. Мы так называли сахар, который сначала растворяют в молоке, а потом выпаривают на огне в кастрюле, пока он не загустеет и не станет коричневым. Получается по вкусу что-то вроде сливочной помадки, но только более твёрдой. В общем, это был прекрасный завтрак.

Предстояло заняться поиском развлечений. Их здесь был небольшой выбор. В настоящий момент местная соседская ребятня собиралась идти ловить мелкую рыбёшку на Сакмару. Пескари, голавлики, крохотные подлещики и сигушки ловятся в течение всего дня — не то что нормальная рыба. Весь улов затем шёл в уху, которая готовилась на костре в большой консервной банке. Банку вместе с алюминиевыми ложками мы прятали рядом в кустах.

Так было и в этот день. Потом мы купались, загорали, пускали по воде «блинчики». Голыми в то время никто не купался. Для того чтобы после купания отжать трусы, отходили в сторону, опускали трусы до колен, а затем закручивали их жгутом, тем самым отжимая. После этого трусы на жаре на теле высыхали за пять минут.

Затем ребята разошлись по домам, а я пошёл на площадку, куда земснаряд по трубам доставлял гравий со дна Сакмары вместе с водой. Мне нравилось перебирать камешки, стоя по щиколотку в воде. Камешки в мокром виде были привлекательны, правда, по мере высыхания они эту привлекательность теряли. Мой друг, геолог Толя Песков, сейчас сказал бы, что это были обыкновенные базальты, туфы, габбро-диабазы или кварциты. Но для меня тогда все они были потенциальными сокровищами. Я искал среди них уральские самоцветы. Несколько раз мне попадались красновато-полосатые камни, которые бабушка Люба, чтобы польстить мне, называла яшмой. Уже не знаю, так ли это было на самом деле.

Я сидел на корточках и перебирал камешки. Ничего интересного: только чёрные или серые камни, иногда серо-полосатые, никаких красных или рыжих цветов. И тут у меня в руках оказался абсолютно прозрачный камень размером с ноготь моего мизинца. Я такого прозрачного камня здесь раньше не находил. Правда, в нём, как мне показалось, наблюдалась небольшая тёмная точка, но это было неважно. Я стал крутить его на ладони, разглядывать со всех

сторон, поднёс к глазам, а потом дунул на него, чтобы немного просушить. И тут он упал в воду и пропал. То есть он просто исчез, стал невидимым. Но раствориться он не мог. Я безуспешно принялся его искать. Он упал в ручеёк, в котором я же его раньше и нашёл. Вначале я не придал этому значения и продолжал перебирать камни, пытаясь его найти. Но это не дало никакого результата. Так продолжалось минут двадцать. Я набирал горстями камни, просеивал их между пальцами, но найти его не мог. В воде, точнее, в ручье, искать очень сложно, но возможно. Это, конечно, не чёрная кошка в тёмной комнате, но камушек там был: надо было только его найти.

И я принялся за работу. Для этого я начал отводить поток воды в параллельном направлении. Это было не так просто: ручей никак не хотел менять своё течение. Сначала я просто попытался прокопать в толще гравия новое русло, но это не дало никакого результата: вода как текла, так и продолжала течь старым проверенным путём.

Тогда я начал строить дамбу. Я копал русло, параллельное уже существующему потоку, при этом выкопанные камни укладывал на дамбу, стараясь перегородить действующий ручей. В моей взрослой жизни мне не раз приходилось слышать мнение о себе, что я бываю упрямым и упёртым. Видимо, это упрямство уже тогда давало всходы и толкало меня на неоправданные действия. Тем не менее это принесло результат. Поток постепенно иссяк, и осталась лишь небольшая чаша с водой, в которой скрывалось моё сокровище. Я аккуратно прокопал небольшую канавку, по которой стала уходить оставшаяся вода. А дальше стал перебирать дно этого маленького омута, стараясь найти свою потерю. Поскольку в первое время я серьёзно перемешал все камни, мне пришлось разбирать эту смесь, выбирая каждый камень по одному. Я нашёл свой камень не сразу, но я его всё-таки нашёл!

Придя домой, я показал его бабушкам.

— Какой интересный Камушек, — сказала бабушка Катя.

Принеся домой, я положил Камушек, моё сокровище, в коробку от леденцов вместе с серебряным рублём и старой медной монетой.

А потом я уехал в Москву. Каникулы закончились. Откуда мне было знать, что я больше никогда не вернусь на Карьер? Только память возвратила меня туда через много лет.

4

С Юрой Зуйковым я познакомился в Архиповке под Смоленском, в стройотряде после третьего курса. Я уже был ветераном: это был мой третий стройотряд. В семидесятые годы в университете такое занятие в летние каникулы считалось весьма достойным. Особенно для ребят из общежития. За два месяца можно было заработать парочку годовых стипендий, а при удачном стечении обстоятельств — даже больше.

Но для нас, мальчишек, стройотряд был больше, чем прибыльная работа. Это было своего рода братство, где рождалась дружба и проверялись характеры. С другой стороны, мы были в некотором роде спортивной командой, где каждый старался доказать, что он лучший. И, наконец, мы верили, что вместе со страной делаем какое-то большое хорошее дело.

Конечно, мы тогда, студенты-математики из МГУ, не были профессиональными строителями. Учились профессиям по ходу дела. И очень старались. Недавно мы с Таней по дороге в Витебск заехали в Архиповку. Я почти сразу нашёл наши первые три дома, которые были построены нами в том году. Они уже были обшиты сайдингом, поэтому я их не сразу узнал. Но дома стояли, и в них жили люди.

Вкалывать в стройотряде приходилось по 12 часов без выходных. Лишь по воскресеньям был укороченный день и баня.

Состав отряда ежегодно обновлялся примерно на треть. Кто-то отправлялся на сборы в военные лагеря, кто-то вообще заканчивал учёбу и готовился к выходу на работу по распре-

делению. Отряд пополнялся за счёт первокурсников: отбор кандидатов проводился в течение второго семестра. Новичок должен был пройти отбор. Конкурс в некоторые отряды мог составлять по несколько человек на место. Если новичок до института нигде не работал или не служил, делать он ничего не умел — его отдавали в помощники более опытным кадрам.

Зуйков до поступления в МГУ был обычным школьником, не имел никакой специальности и достался мне в качестве подсобника. Я был уже опытным каменщиком, а Юра подносил мне кирпичи и раствор. Я не скажу, что у нас сразу возникла какая-то крепкая дружба. Новички поначалу больше держались своих однокурсников, но со временем все в отряде сплачивались. А после возвращения в Москву и начала учёбы мы продолжали общаться дальше, хотя все были на разных курсах. Ходили в кино, играли в футбол, иногда собирались компанией выпить пива.

После окончания университета я остался в аспирантуре, и наше общение естественным образом продолжилось. До той поры, пока Зуйков не окончил пятый курс. А потом он пропал.

То есть не совсем пропал. Но я его не встречал до сегодняшнего дня. С некоторыми ребятами с его курса я продолжал поддерживать связь, и до меня доходили отрывочные новости про Зуйкова. От Андрея Гаврилова я слышал, что он попал в какую-то очень закрытую контору, проходил обучение, потом стажировку, потом постоянно был в командировках. Освоил четыре языка, хорошо продвинулся по службе. Ходили разговоры, что он служил во внешней разведке или ещё в какой-то подобной организации. Вот, собственно, и всё.

А сегодня позвонил Гаврилов и предложил встретиться и попить пива или чего покрепче. Гаврилов, как и я, традиционно собирает друзей в своём доме в Поведниках. Я тоже собираю своих друзей с курса, но только в своём доме в Посёлке, расположенном рядом с Химками. А в гости ездить не люблю. Пропала лёгкость. Раньше можно было назначить встречу, и народ легко собирался. А сейчас всё стало не так. Все обросли семьями, детьми, собаками, огородами, и эти якоря крепко стали нас держать каждого в своей гавани.

Я уже собирался отказаться по уважительной причине, но вдруг вспомнил, как с Зуйковым и Гавриловым мы когда-то любили собраться попить пивка в пивной возле посольства КНР. Мы называли эту пивную «Тайвань» — казалось, смешно. Крохотный островок рядом с огромной территорией посольства.

Мы с Таней вызвали такси и поехали.

Встреча у Гавриловых прошла скромно. Была его жена Татьяна (они однокурсники), ещё две женщины с их курса, Вова Воронов (он тоже с их курса, а заодно и из нашего стройотряда) и Зуйков. Я сначала его не узнал: время меняет людей. Но всё-таки это был тот же Зуйков — его взгляд, улыбка и, конечно, голос. Голоса у людей почти не меняются. Возьмите любого известного вокалиста: с возрастом на него и смотреть не хочется, но если закрыть глаза, то понимаешь, что он остался таким же мастером.

Все болтали, и только Зуйков один молчал и улыбался. Потом начали вспоминать прошлое, потом заговорили о политике, потом про международное положение. Юра в разговоре не участвовал.

Начали вспоминать однокурсников Зуйкова и Гавриловых. Оказывается, одна из гостей, Света Зайцева, ведёт чат выпускников их курса. Она начала делиться информацией о том, кто и чем занимается и кто в чём преуспел. Стали звучать неизвестные мне имена: ведь это был не мой курс, и знал там далеко не всех. Но многих из общежития знал, поскольку часто там проводил время.

Всплыла фамилия Богдана Краско. Я его вспомнил: здоровый такой парень, участвовал в ночных стоянках за билетами в Большой театр. Там была целая мафия: нужно было стоять ночь в очереди, отмечаться по нескольким номерам с выдуманными фамилиями, а потом выкупать билеты, также заходя по нескольку раз в кассу по тем же номерам. Я тогда просмотрел весь репертуар Большого по несколько раз.

В общем, Света сообщила, что Богдан является сейчас одним из руководителей Хмельницкой АЭС на Украине. Началась дискуссия, как это могло случиться, ведь он не физик, а математик. Кто-то сказал, что, наверное, он проявил себя хорошим специалистом.

Гаврилов к этому моменту уже прилично выпил. В последние годы он стал быстро пьянеть, порой совершенно неожиданно. Его жена утверждала, что это последствие давней уличной драки в молодости. В той драке он даже не успел встать в стойку, как его вырубили ударом ноги в голову. Андрей упал, ударился об асфальт и потерял сознание. После этого он две недели пролежал в больнице, и, когда выписывался, ему не рекомендовали употреблять алкоголь. Он и не употреблял, но по особому случаю позволял себе выпить. Сегодня, как он посчитал, был такой случай.

— А вот когда мы придём в Хмельницкую область, тогда и посмотрим, какой он руководитель, — заявил Гаврилов.

Татьяна, жена Андрея, сказала, что ему хватит. Воронов пытался умиротворить Гаврилова, говоря, что они с Богданом всегда были друзьями и эта сегодняшняя ситуация не должна сказываться на их отношениях. Однокурсницы тоже заволновались и предложили всем пойти остыть и покурить. Татьяна Гаврилова тоже вышла с ними на веранду, хотя и не курила: Андрея она оставить не могла.

Остались только я, моя Таня и Зуйков. Таня ушла заваривать чай.

Зуйков проводил её взглядом. Я слышал, что Зуйков так и не женился: обстоятельства не позволили.

— Я знаю, ты потерял жену? — заговорил он. — Когда это было? Вы были очень близки?

— Десять лет назад. Чуть не ушёл вслед за ней. Если бы не встретил Таню.

— Ты вытянул второй счастливый билет. Дорожи этим. Ты чем сейчас занимаешься?

— Фирма, где я работал двадцать лет, закрылась. Свой бизнес не сложился: ошиблись в расчётах. А сейчас — пенсия, какие-то приработки. И ещё квартиру сдаём. Средств на жизнь хватает, но хочется большего. И ещё пишу детективные рассказы, пока не понимаю, где публиковать. Отдашь в литературный журнал — потребуют литературный опыт, на самиздат-площадках публиковаться не решаюсь.

Мы помолчали.

— Юра, а чем ты сейчас занимаешься? — решился спросить я.

— Да так, оказываю некоторым людям услуги. Решаю их проблемы за их деньги. Остались связи с некоторыми структурами.

— У тебя что-то вроде детективного агентства?

— Не совсем. Другой уровень и другие задачи. И дорого.

Мы снова помолчали. И тут я задал вопрос:

— Слушай, а ты знаешь лично руководство, ну, Бортникова, Нарышкина?

Я почувствовал, что сказал лишнего. Юра замолчал, и наш разговор закончился. Вскоре вернулись гости. Гаврилов уже успокоился.

При расставании мы с Зуйковым обменялись контактами. Вечер завершился.

5

Витим неторопливо нёс две наши надувные лодки-пятисотки, нагруженные снаряжением, продуктами и собранными ранее геологическими образцами, вниз по течению. Наш геологический отряд, состоявший из четырёх человек, уже закончил работы в Южно-Муйском хребте и теперь перемещался в следующий район наших работ, расположенный вниз по течению реки, в Северомуйском хребте. Я оказался в том отряде в качестве рабочего благодаря большому отпуску, как у всех научных сотрудников, имеющих учёную степень.

Витим — река мощная и гордая: несёт свои воды в Лену, бешено пробиваясь на своём пути через препятствия в виде горных хребтов и отдыхая, разливаясь на равнинных участках. Таким равнинным участком и была Муйская впадина, расположенная между двумя хребтами. Здесь Витим течёт неторопливо, порой разливаясь до полутора-двух километров. А дальше, в Парамском массиве, который, словно плотина, перегораживает ему путь, он превращается в дикого зверя, с рёвом несясь в узком проходе Парамского порога шириной от ста двадцати до ста пятидесяти метров. Мой друг и начальник нашего отряда Толя Песков уверял, что причина тому — гипербазиты, необыкновенно прочные магматические породы, из которых сложен Парамский массив и которые не позволили Витиму пробить себе более широкое русло.

Песков убеждал меня, что именно Витим является прототипом легендарной Угрюм-реки, описанной в одноимённом романе Вячеслава Шишкова. Он увлечённо доказывал это, сопоставляя конкретные места на Витиме с местами действия в романе. Гораздо позднее я стал склоняться к мнению, что в романе Шишкова описана другая река, а именно Нижняя Тунгуска. Подтверждением тому служат и названия населённых пунктов, лишь слегка изменённые в романе, и тот факт, что автор сам участвовал в экспедиции именно по Нижней Тунгуске в 1911 году. И всё же в 2014 и 2015 годах Русское географическое общество и «Комсомольская правда» организовали две экспедиции по Витиму, включая участок с Парамским порогом, в целях исследования Витима как возможного прообраза Угрюм-реки. Я не литературовед, не историк и не геолог, но даже мне понятно, что между этими двумя реками явно прослеживаются сходства: и их дикий нрав, и тот факт, что по их берегам и притокам располагались богатые месторождения золота, что породило множество криминальных историй, связанных с ними.

Так, вдоль Витима по левому берегу идёт конная тропа, выстроенная в XIX веке: выложенная камнем, вырубленная местами в скалах, проходящая через распадки; сохранились частично мосты. В народе она называлась «Тропой смерти», поскольку далеко не каждому путнику удавалось пройти её до конца по причине «лихих» людей, которые постоянно грабили и убивали успешных старателей.

Мы не спеша дрейфовали по течению, слегка помогая себе вёслами. До порога, перед которым мы планировали разбить лагерь и выполнить очередной плановый объём работ, ещё оставалось километров сорок. Мы решили остановиться в избушке охотников, которая была обозначена на нашей карте. Я не очень люблю ночевать в охотничьих избах. Во-первых, запах. Иногда это просто запах дыма, а иногда к нему добавляются другие запахи старого жилья. Для меня проще поставить палатку и спать на свежем воздухе. Однако, когда ты плывёшь по реке, тебя не трогают ни комары, ни мошка, но стоит только тебе выйти на берег, как жизнь сразу теряет комфорт. Так случилось и на этот раз. Рой комаров и мошки был настолько густым, что трудно стало даже дышать. Мы взяли с собой из лодок минимальное количество своих вещей и пошли по узкой тропе вверх по склону искать избушку. Руки у нас были заняты, и отмахиваться от комаров было нечем. Но когда мы поднялись на пригорок, то оказались в сосновой роще, и комары сразу куда-то исчезли.

Изба оказалась вполне чистой. В углу у печки-буржуйки были сложены дрова, по стене на гвоздях висели кастрюли и сковорода, и, конечно, были спички, аккуратно завёрнутые в полиэтилен. И не было ни одного комара в избе. Я уже не в первый раз это замечал. Песков говорил, что комары не переносят запах копоти, который присутствует во всех таких жилищах. Так что можно спокойно спать без пологов.

Утром оказалось, что наш сплав до Парамского порога ненадолго откладывается. Наши два геолога устроили совещание по поводу дальнейших планов. Я не сказал, что вторым геологом был Григорий Степанович Гусев, доктор наук, старший научный сотрудник института и научный руководитель Толи Пескова. Он, собственно, и планировал всю нашу деятельность. Было ему лет пятьдесят с небольшим, родом он был из Саратовской губернии, а видом своим

представлял хитрого «мужичка-кулака», врага колхозов, — именно такими их и изображали в советских фильмах. Ну никак он не походил на большого учёного мирового уровня, каким на самом деле был. Мужчина он был хозяйственный и обстоятельный, чем также походил на кулака. Как-то за чаем после очередного маршрута он похвастался, что приобрёл несколько блоков иранских лезвий Rubie, которых, как он рассчитывал, ему должно было хватить до конца жизни. Слава богу, как мне кажется, Григорий Степанович израсходовал свой запас лезвий раньше. Ведь дожил до восьмидесяти восьми лет. Светлая ему память!

Пока Гусев с Песковым обсуждали план и намечали будущие точки для работы, я бродил по избе и рассматривал весь содержавшийся там нехитрый инвентарь. И вдруг, заглянув под нары, на которых лежал мой спальник, я обнаружил лоток для отмывания шлихов. Я так его назвал, потому что именно таким лотком (опять же тремя годами раньше) я отмывал шлихи для геоморфологов из МГУ. Шлихи — это остатки тяжёлых минералов, которые содержатся в осадочных породах.

Процесс отмывки шлихов несложный, но требует терпения. Высыпаешь в лоток отобранный образец под каким-то номером, а потом начинаешь наполнять водой лоток раз за разом, при этом покачивая его и сливая воду. Сначала уходит муть, потом отбрасываются камешки. Затем на дне остаётся смесь из некрупных песчинок: одни более лёгкие, а другие более тяжёлые. Нужно постепенно избавиться от остатков лёгкой фракции и оставить только тяжёлый материал; его мои геоморфологи называли магнетитом. Потом магнетит сушится и складывается в пронумерованные бумажные пакетики.

А может, это был настоящий старательский лоток, и его забыл кто-то из чёрных старателей, которые раньше могли останавливаться в избе.

Работы у меня в настоящий момент не было, и я решил показать всем, как я умею работать с лотком. Я набрал в лоток речной песок, наполнил лоток водой и приступил к работе. Когда я уже заканчивал своё занятие, среди чёрного остатка магнетита что-то блеснуло жёлтым проблеском.

В этот момент кто-то встал у меня за спиной.

— Это «знаки», — сказал Григорий Степанович. — Мельчайшие чешуйки золота. Они переносятся даже спокойным течением реки. Эти приплыли с Южно-Муйского хребта.

Он взял из моих рук лоток, зачерпнул воды и выплеснул всё содержимое обратно в реку.

— Если кто-то увидит, чем ты занимаешься, и доложит, куда следует, у всех нас будут проблемы, у Пескова в первую очередь. Золота здесь нет, но проблемы могут быть.

И он ушёл в избу.

А дальше были новые сплавы по Витиму, работа и снова сплавы. На наших пятисотках мы преодолели Парамский порог. Преодолели — не значит прошли как мастера водного сплава. Мы продвигались поэтапно: где-то проводили лодки на верёвках вдоль берега, где-то проплывали участок по стремнине и вновь проводили на верёвках. Мы не могли рисковать результатами проделанных работ, утопив хотя бы одну из лодок. Всё-таки мы везли массу образцов.

Наконец, мы поставили лагерь ниже порога. Оттуда, чтобы собрать материал, мы совершали из нашего лагеря однодневные маршруты. То есть выходили на маршрут, проводили описания, собирали образцы и возвращались обратно в лагерь в тот же день.

Но есть такие точки для отбора образцов, куда невозможно дойти за один день и тогда же вернуться. В этом случае нужно уходить на несколько дней, взяв с собой палатку, спальные мешки и запас продуктов, ставить где-то свой новый базовый лагерь и работать в радиальных маршрутах уже от него.

Так мы с Песковым ушли на ручей Крутой в Северомуйском хребте. Место для лагеря было уже намечено. Это была небольшая расщелина в узком ущелье, где на галечной косе (а она должна была там быть) мы предполагали поставить палатку. Но когда к вечеру мы добрались до нашего намеченного места, оказалось, что кто-то там уже обосновался: как подтверждение

этому, там стояла чужая палатка, и на костре готовился ужин. У костра сидели двое мужчин, по виду — геологи. Тот, что постарше, встал, чтобы встретить нас, и поздоровался:

— Откуда, коллеги?

— Из Москвы, ИМГРЭ, — представился Песков. — Я Анатолий, это Андрей.

— А мы из Питера: я Лев Травин, это Пётр.

— Здравствуйте, Лев Валентинович!

Оказывается, Песков знал геолога и доктора наук Травина по его статьям. Анатолий с Гусевым предполагали, что Травин может быть одновременно с нами в районе хребта. Пилот Ан-2, на котором мы летели из Бодайбо в Таксимо на БАМе, говорил Анатолию, что недели через две планирует перевезти ленинградских геологов также из Бодайбо в посёлок Усть-Муя на Витиме. Так и получилось. Травин прошёл из Усть-Муи по старой старательской тропе до Парамского порога, а затем поднялся по ручью до того места, где мы и встретились.

Травин уже закончил работу на Крутом и собирался следующим утром с напарником уходить в Усть-Мую.

Мы сидели у костра и вели разговор за чаем. Речь, в частности, зашла о той самой старой старательской тропе, которая шла вдоль левого берега Витима до Бодайбо, — так называемой «Золотой приисковой резиденции», основанной в середине XIX века. Когда разговор зашёл про золото Витима, Песков рассказал Травину историю, как во время сплава по Витиму от Таксимо до Парамского порога мы останавливались в охотничьем зимовье и там я нашёл деревянный лоток для промывки шлихов.

Травин, конечно, посмеялся, но сказал, что, если бы я попробовал это сделать в другом месте на Витиме — не в долине между Южно-Муйским и Северомуйскими хребтами, где Витим течёт медленно, набирая силу перед Парамским порогом, — то результат мог быть и другим. И последствия тоже, поскольку такие действия преследуются законом. И за всем этим очень хорошо следят.

— А вообще, — добавил он, — по берегам рек можно многое найти. Когда я студентом проходил практику на Южном Урале, слышал рассказы, как на галечных косах удачливые люди находили и золотые самородки, и разные полудрагоценные камни, и даже алмазы. Хотя мне самому не доводилось находить что-то очень ценное по берегам.

Вот тогда мне и вспомнился Камушек, который я считал безвозвратно утерянным.

— А что делать в том случае, если ты случайно что-то найдёшь? — поинтересовался я.

— Не знаю, но думаю: если ты нашёл что-то ценное при выполнении своей работы — иди к начальству. Если нашёл где-то случайно — иди в милицию.

Утром наши соседи ушли в Усть-Мую. А мы приступили к своей работе.

Между прочим, Лев Валентинович Травин потом оказался оппонентом на защите Толиной диссертации. Гусев устроил.

6

Работы в старой квартире родителей оставалось ещё много. Я отложил найденную коробку с моей находкой и принялся дальше сортировать вещи. Что-то мы готовы были оставить в старой квартире, что-то нужно было перевезти в квартиру новую. Переезд намечался через три дня. Правительство Москвы предоставляло нам бесплатных грузчиков и грузовик для перевозки вещей, и мы торопились с сортировкой. Некоторую старую мебель пришлось оставить, поскольку планировки квартир различались. На листах формата А4, где были изображены схемы двух наших комнат, мы двигали вырезанные кусочки бумаги, изображавшие элементы нашей мебели, рассматривая разные варианты размещения. У дизайнеров для этого есть свои программы, но у нас были только вырезки из бумаги. Дивану и креслам в новых

комнатах никак не находилось места. Мама переживала и едва не плакала. Мы успокаивали её и обещали, что всё будет ещё лучше, чем раньше.

В одной части нашей старой квартиры размещали то, что будем перевозить, в другой — то, что оставим. Нам сказали, что в течение одного дня после нашего переезда всё это будет кем-то вывезено и пристроено. Я уехал домой с мыслью, что завтра мы всё окончательно решим.

Таня обычно приходит домой с работы поздно вечером и уставшая. Она работает в Москве, её офис расположен на улице Правды, через дорогу от издательства. Странное, на мой взгляд, место. С одной стороны, фактически центр Москвы: рядом два вокзала — Белорусский и Савёловский, недалеко Ленинградский проспект, а там и до Кремля рукой подать. А вот вечером до дома ехать часа полтора на машине, своим ходом добираться неудобно.

Я приехал домой раньше Тани и занялся ужином. На всякий непредвиденный случай у нас есть палочка-выручалочка в виде домашних пельменей. Мы всегда держим запас в морозильнике. Когда этот запас пельменей подходит к концу, мы едем на рынок, покупаем мясо и приступаем к процессу лепки. Для нас это не тяжкий труд и не нудный процесс. Это действие сопровождается просмотром какого-нибудь старого фильма или прослушиванием любимой музыки под разговоры и дегустацию бутылки хорошего рислинга. А потом всё завершается поеданием свежесваренных горячих пельменей под рюмочку холодной водки. И в результате мы ещё и намораживаем их килограммов четыре-пять.

К счастью, пельмени в холодильнике были, и я не стал заморачиваться с ужином. Время уже подходило к восьми вечера. Наконец приехала Таня, и мы сели ужинать.

В качестве фона работал телевизор, мы разговаривали. Потом Таня стала смотреть кино, а я, расслабленный, лёг на диван. Шёл детективный сериал про советскую элиту — «Охотники за бриллиантами». Таня смотрела с увлечением, я подключался периодически. Я не могу смотреть сериалы по десять серий с нуля. Я могу отвлечься на телефонный звонок, мне надо погулять с собакой, может произойти ещё что-то, что помешает просмотру сериала. Потом я прошу Таню коротенько пересказать мне пропущенные моменты и невольно её раздражаю. Вот «Ликвидацию» я полностью доглядел за несколько подходов, теперь могу смотреть этот фильм с любого эпизода.

Я заварил чай, и мы стали досматривать происходящее действие, где кто-то прятал бриллианты в воде. И тут я как будто проснулся. Камушек! Я вспомнил день, когда в детстве на Карьере я едва не потерял его в ручье. Вспомнил встречу с Травиным на Крутом, где он говорил про случайные находки на галечных косах уральских рек. Камушек сейчас на квартире родителей. Вот только где в этой разворошённой квартире лежит сумка с кляссерами и коробкой с монетами и Камушком?

7

Ночью я спал беспокойно и утром проснулся рано. Хотя переезд намечался только через три дня, меня беспокоил Камушек, оставленный в сумке, которая лежит неизвестно где в квартире. Кляссер со старыми марками так меня не волновал, как Камушек.

Надо было ехать на квартиру, но после обеда обещали дождь, поэтому я решил на пару часов отложить поездку и покосить газон возле дома прямо сейчас. Хотя было утро, солнце светило немилосердно. Через два часа работы газон снова стал идеальным.

Очень хотелось пить. Дома у меня стоял натуральный холодный квас, настоянный на смеси, которую мне подарили мои клиенты из Ижевска. Их компания производила кисели быстрого приготовления, а моя компания поставляла им для этого немецкий модифицированный крахмал, который отлично подходил для их производства. Да, в 90-е годы мне пришлось уволиться из своего института — надо было кормить семью.

Люди часто путают генную инженерию (когда звучит термин «генно-модифицированный») с химической или механической модификацией сырья. Если, например, крахмал при определённых условиях обработать кислотой, то он станет модифицированным, и ему присвоят свой Е-номер. Компания из Ижевска производила готовые смеси для приготовления киселей и кваса. Благодаря нашим крахмалам получались отличные кисели без пенки. Также наши покупатели производили прекрасный квас натурального брожения, точнее, сухие смеси для его приготовления. Мы иногда заказывали эти смеси для личного потребления. При отгрузке экспедитор оставлял для нас на складе отдельно оплаченный набор из их продуктов, а потом кто-то из наших сотрудников привозил его нам в офис.

Сегодня этот квас, приготовленный на основе смеси, пригодился для окрошки. Позднее выяснилось, что квас был действительно натуральным и притом с «градусом». Но тогда я этого не знал.

Пообедав, я приехал на квартиру родителей и нашёл желанную сумку с марками и жестяной банкой. Сумка оказалась на месте, можно было не переживать. Разбирать вещи в одиночку мне не хотелось, и я поехал обратно домой. Сумку с марками я предварительно положил в багажник машины, а коробочку бросил в перчаточный ящик, который принято называть «бардачком».

За первым же перекрёстком меня остановила полиция. Обычная проверка документов. Я радостно улыбнулся и протянул инспектору права и свидетельство о регистрации. Инспектор попросил показать страховку, и я полез за ней в бардачок. Но тут я увидел коробочку и занервничал. Ведь я мог оказаться преступником, который сорок лет назад нашёл сокровище и скрывал его от государства.

— Что, забыли страховку? — с участием спросил инспектор.

Я протянул ему бланк. Но в глазах его уже загорелся интерес.

— Что-то вы нервничаете, — сказал он. — Оружие, наркотики имеются?

Я покачал головой.

— Откройте, пожалуйста, багажник.

Я не стал возражать. На YouTube я как-то видел ролик, в котором какой-то юрист минут пятнадцать изводил инспектора, требуя предъявить постановление на обыск багажника. Но я просто открыл багажник. Инспектор пощупал сумку с инструментами, затем попросил открыть сумку, в которой лежали марки.

— Это мои детские марки из квартиры родителей.

Затем он открыл пассажирскую дверь и сел на сиденье.

— Вы позволите? — спросил он, открывая бардачок. На свет появились перчатки, маленький перочинный нож, альбом с CD-дисками и моя заветная коробочка.

— Что это?

— Мои детские сокровища из той же квартиры. Мы переезжаем.

Инспектор вернул всё на место и с сожалением вылез из машины.

— Выпивали вчера? — с надеждой спросил он.

— Нет, — ожидаемо ответил я.

— Пройдёмте в нашу машину.

Меня часто останавливают гаишники, наверное, старый чёрный «Туарег» бросается в глаза. Хотя, если за рулём сидит Таня, нас не останавливают никогда. Вероятно, у полицейских срабатывает какой-то охотничий инстинкт. Скорее всего, при виде гаишников я выделяю адреналин, а они своим охотничьим чутьём это улавливают.

Мне предложили подуть в трубочку. И оказалось превышение — 1,17 промилле. Я, конечно, не поверил и попросил дать мне разрешение подуть в свой собственный алкотестер, который я всегда вожу с собой и которым сегодня я своё состояние проверить не удосужился. К моему великому удивлению, мой прибор показал 1,16.

И тут я понял, из какого хорошего, натурального кваса была приготовлена моя окрошка. Об этом всём я рассказал моему инспектору. Я думаю, что он мне поверил, но всё равно предложил поехать на освидетельствование. Как мне повезло, что у гаишников в тот момент не было прибора, который по результатам выдыхаемого воздуха сразу выписывает чек с результатом анализа. А потом суд лишает тебя прав на управление автомобилем на два года на основании этого чека. Но такого прибора у полицейских не было. Ко мне вернулось спокойствие, поскольку вопрос с Камушком отпал. И я решил сопротивляться: лишиться прав из-за ерунды очень не хотелось.

Пока инспектор со мной разбирался, патруль остановил ещё одну по-настоящему дорогую машину. Мой инспектор отправился общаться с новым водителем, а мои документы передал другому полицейскому и сопроводил комментарием про мою версию с окрошкой. Я пересел во вторую машину. Новый офицер снова попросил подуть в такую же трубочку. И, к моему удивлению, результат был 1,20. Это меня воодушевило. Я сказал, что что-то здесь не так. Но инспектор уверил меня, что приборы дают погрешность, и предложил снова проехать на освидетельствование. Но как-то на этот раз без энтузиазма. Наверное, поверил в историю с квасом. А это значит, что пока мы доберёмся до медучреждения, уровень алкоголя в крови быстро упадёт, и будет неловко. В результате возникла заминка.

Мне совсем не хотелось ехать с Камушком в полицию, и я просто предложил разойтись по-хорошему. Я сказал, что я человек вменяемый и обучаемый, что это происшествие будет для меня уроком на всю жизнь, что я очень благодарен нашим правоохранителям за тот урок, который я получил, и в качестве благодарности готов заплатить три тысячи рублей. Но предупредил, что у меня есть только купюра в пять тысяч, а на пять тысяч я этот урок не оцениваю, и в случае, если мы не договоримся, готов ехать на освидетельствование.

Пока мы общались, прошло ещё минут пятнадцать. Инспектор вздохнул и дал мне две тысячи сдачи. Мы пожали друг другу руки, мне вернули права и свидетельство о регистрации, и я с Камушком и марками поехал домой.

8

«Генерала я увидел на первом собрании ТСЖ нашего посёлка. Он не был в военной форме — он появился в нашем обществе в гражданской одежде. Одет он был строго и просто, но возникало чувство, что одевается он дорого и со вкусом. Его выдавала настоящая военная выправка. Говорил он негромко, но каждая его фраза была значима. Только позднее выяснилось, что никакого воинского звания у него не было.

Наше ТСЖ (Товарищество собственников жилья) было организовано нашим застройщиком. Генеральный директор компании-застройщика сам, как частное лицо, являлся собственником одного из домов в посёлке, и взял на себя регистрацию ТСЖ. Большинство людей, как правило, пассивны в принятии решений, и активное меньшинство имеет все возможности встать во главе движения, которое оно же и организовало. Я не помню точно, как сам оказался членом нашего Товарищества собственников жилья: наверное, я мимоходом подписал какое-то заявление, как и большинство собственников. Но все мы оказались на этом собрании по инициативе застройщика. Как и положено, первым делом встал вопрос о выборе правления и, естественно, его председателя. Список членов правления был уже заготовлен. Вопрос о председателе казался уже решённым, но тут встал Генерал. Он представился и выдвинул свою кандидатуру в правление, при этом он сказал, что по долгу службы имеет большой опыт руководящей работы, а также намекнул на связи в определённых структурах, которые могут быть полезны нашему посёлку. В общем, как-то само собой получилось, что Генерала выбрали председателем, а застройщик взял самоотвод и вышел из состава правления.

С этого момента жизнь в нашем посёлке потекла размеренно: стали собираться взносы, появилась бригада дворников, заключили договор с новым охранным предприятием, начали проводить озеленение, почистили пруд. Взносы сдавали бухгалтеру — тогда ещё не все жители оплачивали через банк. В общем, все вздохнули спокойно.

Через два года после очередного годового собрания посёлка ко мне подошёл Генерал. Мы вышли из нашего клуба, где происходят ежегодные собрания ТСЖ, и Генерал аккуратно заговорил о возможности немного заработать. Суть состояла в том, что мне предлагалось поучаствовать в играх на ставках. Процент небольшой, но гарантированный. По его словам, несколько наших жителей в этом деле уже принимают участие.

Я, конечно, был польщён доверием, но позвонил Виктору из 12-го дома, чтобы узнать, что он думает на этот счёт. Виктор был в курсе: Генерал играл на бегах и не только.

Стратегия Генерала была проста, но требовала постоянного притока новых лиц, чтобы у букмекеров не возникали подозрения. Он играл на ставках. Он был в курсе ставок на разные результаты у разных букмекеров и искал ситуации, при которых существует возможность сделать ставки на противоположные исходы события и получить прибыль независимо от результата события. Происходит это из-за различного видения величины коэффициентов на одно и то же событие у различных букмекеров. У специалистов это называется арбитражной ситуацией.

Я был далёк от мира ставок, и мне было немного странно. Мне казалось, что для такой деятельности нужна команда специалистов, которые постоянно должны быть в курсе ставок. Однако с учётом прогресса всё оказалось проще.

Решением проблемы стали сканеры вилок — это специальные сервисы, которые автоматически проверяют линии десятков (а то и сотен) букмекеров, находят арбитражные ситуации и показывают тебе готовые расчёты. Всё, что остаётся, — поставить и заработать.

Я думаю, что Генерал не сильно разбирался в этих вопросах, но ему помогал сын. Молодые ребята нас, стариков, в компьютерных делах точно превосходят. Вот только букмекеры тоже не дураки: они вычисляют подозрительных игроков, а потом их блокируют. Генералу были нужны новые лица, чтобы избежать блокировки своих операций.

Виктор в своё время отказался от предложения Генерала. А я решил попробовать.

Под руководством Генерала я начал ставить небольшие суммы, чтобы проверить, как работает система. Получалось процента два при каждой операции. То есть, если я ставлю сто тысяч, зарабатываю две. Я сыграл пару раз, а потом отказался. Что-то меня остановило. Генерал пытался меня уговаривать, но я уже решил, что мне это неинтересно.

Как-то утром в субботу я гулял с собаками вдоль пруда. Мой сосед Саша Жуков сидел на своём рыболовном месте. Обычно летом он ловит рыбу по субботам. При этом приятно проводит время: в сумке у него всегда охлаждённая бутылка вина и закуска. А рядом сидят два-три кота, которым он отдаёт пойманных ротанов и мелких карасей.

Он обернулся, и мы поздоровались.

— Эмкин подал в суд на Генерала. Генерал был ему должен пару миллионов. У Эмкина остались расписки.

Я не знаю, откуда у Жукова появились такие сведения. Знаю, что у него брат работает в администрации, но он с ним не очень дружен. У него есть знакомые адвокаты, но и они не могут так быстро его информировать. Он что, сам отслеживает все судебные новости?

Я пошёл дальше, размышляя, почему прокололся Генерал. Мои мысли сводились к тому, что, может быть, на него давили его партнёры, которые давали ему деньги и недостаточно зарабатывали, а может быть, он сам решил рискнуть. Возможно, он стал играть в одну сторону — на фаворита, но его ставка не сработала. Например, он мог поставить на теннис: там результаты непредсказуемы, а ставки высокие. В теннисе фаворит может сняться по причине травмы или проиграть из-за какого-то эмоционального срыва. В общем, Генерал

проиграл все деньги. В том числе и те, что он брал у партнёров, — тоже. А там были непростые люди.

После этого на внеочередном собрании членов ТСЖ Генерала переизбрали. Новым председателем стал Павел Геннадиевич Эмкин.

— И что это такое? — спросила Таня. — Ты вроде бы собрался писать детектив. В твоём предыдущем рассказе были хотя бы убийства котов.

— Понимаешь, я ещё не знаю продолжения. Сейчас я собираю отдельные эпизоды из жизни нашего посёлка. Потом они обрастут подробностями, переплетутся между собой так, что у читателя голова пойдёт кругом. Я что-нибудь досочиню, поменяю имена персонажей и в конце придумаю яркий финал.

— Кстати, ты мне ничего не говорил, что играл на бегах или на чём-то ещё. Это правда?

— Нет, это художественный вымысел.

— Тогда придумай, будто Генерал давал лошадям какой-нибудь препарат, чтобы повлиять на исход бегов.

— По-моему, что-то такое уже было у Дика Фрэнсиса — ну, у того, который пишет детективы про лошадей и скачки.

— Тогда что-нибудь ещё придумай, иначе такую скукотищу не только женщины, а даже дети читать не будут.

Я пожал плечами. Таня, как всегда, была права.

Через пару дней я показал ей продолжение.

«Эмкин пробыл председателем почти четыре года. А потом случился скандал, и его вместе со всем правлением переизбрали. Причиной была история с прудом.

Я уже упоминал, что в нашем Посёлке есть пруд. Это не совсем пруд, который получается, если запрудить небольшую речку или ручей. Недалеко от нас такая запруда есть в Трахонеево, недалеко от аэропорта Шереметьево. Место там историческое, связано с соратниками Ивана Грозного. Но пруд, конечно, был создан позднее — в XIX веке.

А наш пруд — это пруд-копань. То есть маленький карьер, откуда раньше брали песок или глину для строительных нужд. Потом он заполнился грунтовыми водами, и появился водоём. Не знаю, когда он образовался, но это было достаточно давно. К тому моменту, когда я впервые знакомился с территорией нашего посёлка, пруд выглядел живописным, но диким. Красоту его оттеняли три столетние доминанты — дуб и две липы. А ещё были ивы, осины и черёмухи.

В нашем посёлке 55 домов, но только семь из них непосредственно граничат с прудом. И несколько владельцев этих домов взяли в свои руки уход за ним. Были вырублены ненужные ивы, облагорожены черёмухи, проложены дорожки, построена беседка с местом для мангала, был и сам мангал. При обустройстве участков часто возникают ситуации, когда нужно куда-то вывезти землю, которую выкопали в результате работ. Соседи из этой земли соорудили альпийские горки и засадили их по всем правилам ландшафтного дизайна. А также высадили парк, который со временем разросся настолько, что превратился в некое подобие сказочной чащи, в которой на развилке тропинок можно неожиданно встретить камень из картины Виктора Васнецова «Витязь на распутье» с чучелом ворона или огромную гипсовую жабу. А на опушке этого парка, соседствующей с прудом, была организована некая зона релакса с фонариками и гамаками, где любила собираться молодёжь.

И вот часть этого парка и решило приватизировать новое правление. Конечно, в расширенном составе — вместе с ещё несколькими доверенными жителями посёлка. Всё это вскрылось в последний момент: был суд, и аферистам было отказано в приватизации части общедолевой собственности на основании Жилищного кодекса. После этого всё правление вновь переизбрали.

Но когда очередное новое правление стало принимать дела, открылась ещё одна история, связанная с общей собственностью нашего посёлка. Оказывается, Эмкин в лице своей коммерческой фирмы арендовал на сто лет участок земли в дальнем углу посёлка, перенёс забор и на захваченной земле построил склад.

Нанятый нами адвокат сказал, что действия Эмкина незаконны, договор ничтожный и наше дело выигрышное. Так, по началу, и было. Суд мы выиграли, но дальше всё пошло не так.

— Мы проиграли апелляцию! — сказал мне Жуков на следующий день. — Участок остаётся за Эмкиным.

— Как это может быть? Ведь адвокат утверждал, что договор ничтожный!

— Не знаю. Виктор был на суде и сказал, что адвокат вообще ничего не сделала. Молчала, как рыба. А потом на вопрос Виктора сказала, что она ничего сделать не может.

— Без объяснений?

— Да!

— Ты думаешь, на неё давили?

— Не знаю.

— Но если давили, то у Эмкина была серьёзная «крыша»! Запугать адвоката и договориться с судьёй дорогого стоит! Что думаешь?

— Думаю, что нам придётся это принять!»

— Ну как тебе теперь? — спросил я Таню.

— А что здесь такого детективного?

— Ну как же? Налицо тайна. Появилась таинственная сила, покрывающая злодея.

— А разгадка будет?

— Подождём — увидим! — уверенно ответил я.

В тот момент я не догадывался, что ждать осталось недолго.

9

Я приехал домой с марками и жестяной банкой, в которой лежал Камушек. Меня беспокоила мысль: если действительно Камушек имеет ценность, совершил ли я какое-то преступление? Мне вспомнились слова Травина о том, что поиск и добыча любых драгоценностей — преступное деяние. А как быть со мной, который нашёл когда-то что-то где-то в куче гравия лет сорок назад? Кто в это поверит? В рекомендациях по таким поводам предлагалось обращаться в полицию. Непонятно куда — в районное отделение?

Я решил обсудить этот вопрос с Толей Песковым. Во-первых, он геолог, а значит, разбирается в камнях. Во-вторых, мой старый друг. В-третьих, именно в разговоре с Травиным на ручье Крутом прозвучало предупреждение о незаконности добычи всего, что является достоянием государства.

Телефон у Пескова не отвечал. Я позвонил Свете, его жене, и узнал, что он лежит в неврологии во Владимире с предположением на микроинсульт. Толя несколько лет назад купил под Владимиром дом в деревне Лаврово, там его и прихватило.

Такие романтики и скитальцы, как Песков, проработав всю жизнь в экспедициях, проводя все свои летние месяцы, как писал Олег Куваев в своём романе «Территория», «на южном берегу, но другого моря», испытав все прелести и тяготы такой жизни, со временем приобретают тягу к своему кусочку земли, который становится для него родным. Лаврово — замечательное место. Рядом с домом Пескова протекает Теза, небольшая речка с идеально чистой водой. Воду из неё можно пить, не кипятя. В реке живут пескари, что только подтверждает её чистоту. В соседних с Москвой областях редко живёт такая рыба. Пескарей мы с Песковым раньше видели на реке Кержанец в Нижегородской области, когда лет шесть назад ходили по ней на байдарках. А ещё они водились в Сакмаре.

Я решил подождать, когда Толя поправится. А сколько ждать? Камушек не давал мне покоя. И я пошёл посоветоваться с Жуковым.

Жуков торговал бижутерией, которую импортировал из Южной Кореи, и, значит, имел отношение к украшениям как таковым. Так случилось, что у Жукова на этот момент приостановился бизнес. Покупатели, в ожидании и опасении перемен, перестали интересоваться недорогими украшениями и предпочли вкладывать деньги во что-то более весомое. И Саша оказался временно свободным. Свой товар он перевёз к себе в посёлок и разместил в гараже на своём участке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.